

Собеседник. — 1997. — № 15. — С. 10 — 11.

Е

та миниатюрная женщина всем своим видом вызывает у мужчин вожделение, а у женщин — восхищение и зависть. Даже надолго пропадая из поля зрения публики, она все равно остается на слуху — как классная певица, как яркий рафинированный образ. Уже 25 лет минуло с тех пор, как она впервые вышла на сцену.

— Ирина, нынче вы громко отмечаете свой творческий юбилей. Однако при этом по-прежнему скрываете возраст. Стоит ли кокетничать? Вы можете гордиться, что в свои годы так хорошо выглядите. — Я не скрываю возраст! Даже в отличие от многих мужчин. Не скрываю! Сказать, сколько мне лет? Уже 44. Конечно, это не великое богатство, гордиться нечем. Но я отношусь к этому с юмором — иногда говорю маме, что она что-то перепутала с моим рождением: не может мне быть столько! Хотя кто-то даже мои 44 года наверняка будет ставить под сомнение — я так давно начала петь, что люди думают, будто мне уже 50, просто я хорошо сохранилась.

— Свидетельствую: сохранились вы неплохо. Это тем более удивительно, что в юности-то вы изящностью не отличались — в 13 лет весили уже 78 кило. Наверняка для того, чтобы похудеть, пришлось немало над собой поработать.

— Очень даже! Что поделаешь, чудес не бывает. Надо меньше есть. Кому-то, может, и не надо, а мне не повезло — всю жизнь сижу на диете. Вот сегодня за весь день мною была съедена одна столовая ложка гречневой каши и выпито два глотка кока-колы, и то лишь потому, что под рукой не было минеральной воды. — В общем, измываетесь над своим организмом. И такие муки, конечно, ради искусства!

— Ради себя. Ради эстетики и красоты. Я вас уверяю: если бы я не была актрисой, все равно бы ничего не ела. Потому что я не хочу быть некрасивой. У меня могут быть прелестные глазки или хорошенький ротик, но мне хочется, чтобы все сочеталось. Уж если так случилось, что Бог дал только лицо, — что ж, все остальное я взяла у него сама. — Что же вы тогда скрываете эти завоевания от глаз публики? Надо обнажать выигрышные места.

— Ну нет, я никогда не обнажалась! А сейчас тем более не хочу этого делать.

— А вот и неправда. На заре вашей эстрадной карьеры вы позволяли себе ну очень коротенькие юбочки.

— Я же сказала вам, сколько мне лет! Для того чтобы показывать тело, столько девочек вокруг — молоденьких, тоненьких, с идеальными ножками. Ну зачем и я еще буду туда же! Очень многие не могут нести сцену красоты, а я могу — и даже без коротких юбок. — Дело же не только в красоте. Вот Алла Пугачева о красоте вовсе не задумывается — и ничего, выбегает на сцену с чуть прикрытыми ногами — и всем своим видом эпатирует публику.

— У Аллы вся карьера построена на эпатаже. А я мягкая, скромная, никогда не делала себе карьеру, не лезла во все сразу — чтобы и магазин у меня, и имя на

теплоходах. Скоро уже деньги будут именем Аллы называться, валюта такая — «алки». Ну что еще нужно, чтобы быть популярным! А я такой популярности никогда для себя не хотела. Если и эпатировать, то чем-то другим — какой-то сверхизысканностью, чем-то высоким и неземным.

А что до одежды... Если чуть-чуть проглядывает — немножечко секси, — это как раз и интригует. Вот такие пикантности я люблю, когда открыто ровно настолько, чтобы до красивого места, а не до безстыдства.

— Мне понравилось ваше недавнее заявление о том, что вы своей незаурядной личностью задавливаете собственный репертуар. Как и Валерий Леонтьев. Потому что публика любит вас, но не помнит ваши песни. Но, может, у вас просто настолько высокая самооценка, что вы не считаете нужным вживаться в образ или не можете найти «своих» песен?

— Вот уж неправда. Просто, может быть, я вообще пою не то, что должна. Я люблю джаз — так, между нами. Я начинала с этого. Но, к сожалению, в нашей стране за джаз не платят — спросите у Ларисы Долиной, у Ирины Отиевой. А я хотела жить красиво и одеваться хорошо. Пришлось идти на компромисс. Тем более этот компромисс был достаточно бескровный.

— Да вы же сами говорили, что не хотели быть звездой!

— Звездой — нет. Ну а как жить? Невозможно же сидеть постоянно без денег.

А когда я пела джаз, денег постоянно не было. Вплоть до того, что я искала на улице несколько копеек — чтобы купить четвертинку хлеба. Не на что было купить колготки, и я экономила: под длинное концертное платье надевала гольфики. За несколько дней до зарплаты выключала телефон, ложилась и смотрела телевизор — голодная. И когда наконец наступал день зарплаты, спускалась в метро и говорила тетенькам, что у меня только что украли кошелек. Хорошо, что меня тогда никто не узнавал, и они меня пропускали.

— Но теперь, уже много лет, вы не меняете своего стиля. Что бы вы ни пели, всегда выглядите одинаково... — Одинаково шикарно? Да-да, согласна. — Всегда заранее известно, что вы непременно появитесь в каком-то обалденном платье и с какой-нибудь экзотической конструкцией на голове. Неужели вам никогда не хочется удивить публику, предстать в каком-то неожиданном облике?

— Знаете, к красоте привыкаешь так же, как к уродству. Вот когда люди приходят ко мне на концерт, через пятнадцать минут уже никто не смотрит на платье — все хотят посмотреть, что же под ним. Но не в прямом, конечно, смысле. Я имею в виду — внутрь, в

фото Якова Титова

Я Ирина Понаровская: всю жизнь сижу на диете

душу. Внешний облик — это панцирь, и если под ним ничего нет, публика уйдет разочарованной. Куклы на сцене не нужны. Под платьем должно быть внутреннее содержание! И я думаю, что это внутреннее содержание у меня есть.

— Ирина, вы производите впечатление человека, который себя идеализирует. Вы считаете себя безгрешной? Или, может быть, напротив — порочной?

— Пожалуй, ни то, ни другое. Это крайности. Я не считаю идеальным мой образ и тем более себя. В моей жизни было много чего-то такого... И хотя все это было на виду, мне всегда хотелось иметь реноме порядочной, приличной женщины. Не потому, что не могу, например, выпить — могу: под хороший стол и рюмку водки могу выпить (хотя больше люблю красное французское вино). И это может происходить где угодно: на

природе, в плакартном вагоне, в шикарном ресторане... Но хочется не этого, а чтобы все всегда выглядело классно, красиво. До идеала далеко, но я очень стремлюсь!

— А что в вашем представительном порядке женщины?

— Ну, как обычно говорят: не пьет, не курит, не гуляет. Я не люблю загулы, напротив, ценю свой дом... Вот вы опять скажете, что я какая-то идеальная! И спросите, не болят ли у меня лопатки, не растут ли крылья? Нет! Просто я так воспитывалась: училась в школе, где девочки перед учителями делали реверанс, а мальчики опускали головы. Но вскоре я наелась всего этого.

А потом наелась и обычной советской школы. Меня представляли перед всем классом и говорили: Понаровская, ты, говорят, музыкантша — давай-ка сыграй нам на балалайке! Так что жизнь моя была довольно разнообраз-

на. Наверное, поэтому теперь и прикрываюсь чем-то неземным. Ведь я все время мечтала уйти от бытовухи. Вокруг болото — а мне летать охота!

— Трудностей, конечно, у всех хватает. Но со стороны может показаться, что у такой эффектной женщины, как вы, личная жизнь должна была сложиться идеально. Однако у вас было несколько браков...

— Сама не знаю, как можно объяснить мои неудачи. Может, тем, что я не готова терпеть небрежное отношение ко мне человека, который рядом. Или тем, что я слишком самостоятельная и независимая — сама себя обеспечиваю, одеваю, дарю драгоценности. Да еще и многое позволяю, и через некоторое время мужчина уже считает, что он меня положил в карман. А этого делать нельзя! Еще в детстве я ни маме, ни папе не разрешала на себя повы-

шать голос. Если кто-то в семье в сердцах называл меня, скажем, «дурой», я могла замолчать на месяц.

— Слишком большая самостоятельность в браке — тоже недостаток.

— И огромный! Женщина должна быть зависимой.

— Вы, видимо, задавливали мужчин так же, как и ваш репертуар.

— Я с себя вины не снимаю. Но есть вещи, которые не могу прощать. Не переносю вранья, особенно мелочного, не терплю хамства. Не могу продолжать отношения с человеком, который меня, извините за грубое выражение, посылает. К сожалению, со мной это случалось. Не выношу, когда мне садятся на шею и начинают болтать ножками. Я ведь и так всю себя отдаю семье.

— Однако про вас ходят сплетни, что вы мужчин меняете — как наряды.

— Неправда. На одной руке хватит пальцев, чтобы пересчитать, сколько у меня было мужчин. И трое из них были мужьями.

— А что же всем известный роман с Сосо Павлиашвили? Вы ведь и сами признавались, что были с ним близки.

— Были. Но почему никто не предполагает, что, кроме постельных, могут быть и другие близкие отношения? Я вообще умею трогательно дружить с людьми — независимо от пола.

— Значит, не зря Илья Резник называет вас «недоступной женщиной»?

— Да, я никогда не любила, когда со мной обращаются панибратски: привет, Ирка, пойдём выпьем! Я всю жизнь тянусь к неземному, небанальному.

— Так потому у вас такая страсть к экстравагантным бракам?

— Вы о моем цветном муже Ээле Родде? Нет, это не имеет отношения к неземному. Если у вас есть любимый, вы меня поймете. Вы

даже не знаете, за что его любите. Так и меня в нем вдруг что-то задело в свое время. Тогда я просто не думала, что он может быть как омерзительным, так и омерзительным.

Я не хочу выносить сор из избы. Но он уже столько сказал всяких гадостей...

— Вы о его утверждении «это я сделал из нее звезду»?

— Пусть он закроет рот по этому поводу! Интервью он теперь дает! Да кто им вообще интересовался до того, как он стал моим мужем?

— Но вы ему...

— Кто бы знал его, если б не я? Да никто и никогда!

— А вы...

— Как он работал в ресторане, так он там бы и работал! И никогда в жизни его никто не снимал для телевидения.

— Да бог с ним!

— А теперь он направо и налево поливает меня... Ну да ладно, хватит.

— Видимо, ваша обида на него большей частью из-за ребенка? То, что он когда-то выкрал у вас сына — такое, конечно, не забывается.

— Конечно. И я вам скажу честно: это единственный человек на земле, которому я не прощу. Я всем прощаю, могу понять все, что угодно. Но это!.. То, что он сделал со мной и моим сыном!.. Когда я забрала у него Энтони, у ребенка был астенический невроз и сексуальные отклонения. И сын рассказывал, что на его глазах папа делал с девочками, сколько их там было и каким образом это происходило!

— Да, такое страшно себе представить. Но когда мальчик вырастет, он наверняка захочет встретиться с отцом. И даже, возможно, простит его. Вы боитесь их сближения?

— Я ничего не боюсь. Когда у Энтони будет устоявшаяся психика, если он захочет — я не буду противиться. Отец один, одна кровь — от этого никуда не денешься. Но сейчас мой мальчик видеть отца не хочет. Он слишком хорошо помнит, как все это было. Когда я их нашла в Воронеже, где от меня прятали Энтони, у ребенка была истерика, он кричал: «Мамочка, где же ты была столько вьемени?» Он тогда еще даже «р» не выговаривал...

— А сейчас Вэл не пытается каким-то образом встретиться с сыном?

— Нет, не пытается. Я не видела от него ни копейки денег на ребенка, на его воспитание. Он вообще сейчас не интересуется своим сыном. Да и слава Богу! Я ему сказала: если ты еще раз попытаешься отнять у меня ребенка, я тебя зарежу своими руками!

— Последний ваш брак, конечно, менее экстравагантный. Но тоже, говорят, непростой. Ваш муж, если я не ошибаюсь, работает во Франции.

— Вообще-то мой муж работает в пятидесятой московской больнице. Но по контракту действительно несколько месяцев в году трудится во Франции. Он обыкновенный доктор-уролог. Нет, конечно, не обыкновенный — профессор, очень хороший специалист.

Мы познакомились, когда я в очередной раз лежала в больнице со своими почками... (Уже вся страна, даже весь мир, по-моему, знает, что у меня больные почки.) Все очень просто. Здесь как раз нет ничего особенного.

— Если вы действительно такая домашняя женщина, как говорите, может быть, стоило бросить все эти песни, концерты — и жить для семьи, для мужа?

— Знаете, когда несколько раз обожжешься в интимных отношениях, сложно жить для какого-то мужчины. Как Лия Ахеджакова замечательно сказала: «Женщина в работе себя показывает тогда, когда у нее не все в кайф в личной жизни». У меня сейчас период покоя. И в работе, и в любви.

Спокойно закончить разговор нам не дали: раздался звонок, и Понаровская срочно полетела куда-то. Второпях мы прыгнули с ней в авто.

— Вы, оказывается, и машину сами водите. Обходитесь без шофера?

— А что делать? Знаете, сколько я дома одновременно дел делаю? Телефонная трубка на плече, я наношу макияж на лицо, тут же что-то варю на плите, рядом бегают сын, который задает миллион вопросов и целует восемьсот тысяч раз. Мама все время подходит. И все это — моя нормальная жизнь...

Наталья РЖЕВСКАЯ.